

впечатления Миру сочиненному вопреки

Нельзя сопоставлять премиальный мир фильма «Овсянки» с одноименной повестью Дениса Осокина. Это разные вещи, об этом уже не раз говорили, но как-то забывается, когда речь заходит об этом авторе. Естественно, читателю к запросам читающей публики (а она все же есть!) издатели не могли прийти мимо литературной основы фильма, и появилась книга этого автора с естественным названием «Овсянки» (издательство «Колibri»). Правда, у нее есть подзаголовок: двадцать семь книг. И «Овсянки» лишь одна из них. Однако наивного читателя стоит предупредить: не проклинайте автора, не ругайте его, если не найдете того, что хотелось. Современный литератор готов водить читателя за нос, подсовывая ему совсем не то, что сулила упаковка.

Денис Осокин – мастер иллюзии. Он сочиняет свой мир, мастерски эксплуатируя нашу способность к тому, что нам не известно. Вернее, о чем может догадываться любознательный читатель, что он слышал, читал или нафантазировал. К тому же интеллигентному читателю положено быть снисходительным к истории своего рода, народа, нации, хотя все хитрослепленый прошлого, традиции, обрядов он не знает. Но при случае всегда готов сослаться на некие свидетельства, кои он почерпнул из не сильно известных источников. А уж окружающая, не менее интеллигентствующая публика, дабы не прослыть малознающей, всегда готова подкачать: ну, как же, знаем, слышали, читали!

Считается, что Денис Осокин хорошо знаком с фольклором, он им прилежно занимался, а потому усердно использует в своих произведениях. Правда, специалисты находят немало несоответствий, искажений и фантазий от того, что известно. Но кто же посмеет упрекнуть автора, строящего свой мир, свое мироустройство? Только придирчивый бюрократ. Можно спорить, насколько погрешный обряд из повести «Овсянки» соответствует реальному финно-угорскому культуру. К тому же мы всегда готовы согласиться с тем, что нам не известно. Да и многие ритуалы – бросание горстки земли в могилу, поминки, регулярное посещение кладбища и оставление на могиле еды и питья – общераспространены, потому и поверить в остальное, не укладывающееся в наши представления, но теоретически имеющие место быть, вполне возможно и допустимо. Детали только добавляют правдоподобия: покойник должен быть одет в хорошую одежду, снабжен какими-то необходимыми для загробной жизни знаками. Впрочем, писатель замечает, что у остатков почти растворившегося среди славян племени меря нет загробной жизни. Если так, то многое предшествующее обряду в повести становится бессмысленным. Но это уже вопрос к автору.

Однако «Овсянки» лишь одна из «книг», вошедших в сборник. По сути это своего рода избранное, в котором можно найти все и которое трудно определить по жанру. Здесь и повесть, и стихи, и лирические заметки, и путевые впечатления, и фантастические истории, и своего рода дневник... И особое расположение текстового материала, в котором и необычное расположение строк, и отсутствие знаков препинания, заглавных букв... Разгадывая, читатель, ребусы! Как говорится, чтение не для всех. Массовый читатель махнет рукой на все несообразное, «Сто дней до приказа» и заваломая неправильность в одной из них (особенно идеальной) ведет к слову всей Системы.

Обретение рая

силуэты

В отечественной словесности издавна сложился тип писателя, мастера владения самыми разными литературными жанрами и объединяющего в себе художника и общественного деятеля. Ярчайший пример последних лет – прозаик, публицист и драматург Юрий Поляков. Разрыв между словом и делом, мифом и логосом, русскостью и советскостью зафиксирован в его художественных мирах с беспощадностью, пожалуй, главных вопросов нынешнего и, возможно, будущих столетий.

Что такое советская цивилизация? Каковы причины ее распада? И что за ней – возрождение или возрождение нации, выстрадавшее право на достойную жизнь в восстанавливающей державный статус России? Собственно, в ответах на эти вопросы и вырисовывается творческий лик писателя – внешне спокойный, ироничный и даже вызывающе ироничный. Но внимаем внимательно – и мы увидим не только иронию. Стиль мышления Ю. Полякова – удивительный сплав лирики, иронии и трагедии – отличается большей социальной зоркостью, большей заземленностью на реальную проблематику. Возможно, поэтому (по сравнению, скажем, с П. Крусановым или Ю. Козловым с их увлеченностью «литературным фантастическим») он, показывая читателю в любых ракурсах – от модернизма до постмодернизма (и даже на грани китча), – остается по преимуществу реалистом, хотя и не в традиционном смысле. Впрочем, отход от традиции при одновременном следовании ей и составляет парадокс новейшей русской прозы на грёбе столетия: ее дерзкую попытку сказать свое незаемное слово, не играя со старыми формами в духе постмодернистских цитаций, но преломляя высокий канон о новую реальность, безмерно раздвигая свои границы и наши представления о ней.

Тексты Ю. Полякова разветвляются на двух сопряженных уровнях. Первый, доступный всем и каждому, – смело закрученная интрига, крепко «сбитый» сюжет, авантюристско-пулюговские, любовные приключения и т. д. и т. п. Но есть и другой пласт, нередко выступающий с первым в «противопоставление» (Л. Выготский). Тогда сквозь внешне «низкое», обыденное, бытовое прорастает высокое: устремленное к Вечному, не подвластному какому-либо нравственным деформациям и социальным катаклизмам. Женщина, которую ты любишь, и книга, которую ты пишешь, – что может быть главней? – спрашивает себя и нас герой одного из лучших произведений Ю. Полякова.

Первые его повести «Сто дней до приказа» (1980), «ЧП районного масштаба» (1981), опубликованные после многолетних мятарств по цензурным инстанциям, вызвали общесоюзные дискуссии и в определенном смысле стали предвестниками перестройки. В них сквозь призму локальной ситуации рассматривалось мироощущение человека советской цивилизации в его внутреннем расколе на идеальное и реальное бытие. «Две эти жизни – реальная и воображаемая – кровно связаны», – говорит герой повести «Сто дней до приказа», и заваломая неправильность в одной из них (особенно идеальной) ведет к слову всей Системы.

Другой полюс в типологии героев и персонажей Полякова – фигура «властителя» дум вовлеченных в политическое брожение масс. В повести «Апофеизм» к фигуре БМП, главного носителя идеи апофеизма, сходит спектр раздумий автора-повествователя о судьбе России в переломные 1980-1990-е гг. Выведенный писателем тип – особый, причем с весьма скудной родословной: Собакевич, Угрюм-Бурчеев, Самоглотов. Очевидно, это совершенно новый тип героя, порожденный утратой веры в институты господствующей идеологии во всех слоях общества.

Авторский неологизм «апофеизм», образованный из двух греческих слов-понятий – «апофеоз» и «апогей», обнажает глубинные истоки грядущей цивилизационной катастрофы: обрубание национальных корней, подмену истинного патриотизма казенной любовью к «нашей социалистической родине».

Об этом – и сатирическая повесть-памфлет «Демгородок» (1991 – 1993), название которой иронически расшифровывается как городок (страна) демоса (т. е. народа). Мотивы игры и заигрывания власти с народом, диалектика советского и национального в понятии «народ (нация)» претворяются в разных – то иронично-сказочных, то сатирических (в духе истории о жителях города Глопува у Салтыкова-Щедрина) – пластах фантастического повествования о переломе псевдо-демократического режима и построении неототалитаристского общества. Автор не скрывает, что строительство «Возрожденного Отечества» на костях «антинародного режима» не имеет никакого отношения к подлинному благоустраиванию национальной жизни.

В повести «Парижская любовь Кости Гуманкова» (1989 – 1991) историческое время и судьбы нации в глобальном мире преломлены через личные судьбы героев. Изначальный отсчет действия ведется с середины 1970-х: романтической, для советской интеллигенции, «эпохи всеобщего «асуцизма» (неологизм от аббревиатуры «АСУ» – «автоматическая система управления»). Затем рассказ о Франции и любви переносит нас в 1984 г. – самое начало перестройки, предвещая новых революционных иллюзий и новых разочарований.

В повести «Небо падших» (1997) и рассказе «Красный телефон» (1997), тоже затрагивающих проблему «русский (советский) человек на randevu с западной цивилизацией», предлагается несколько претворений извечной мечты об обретении рая на земле. Герой оброчи произведений, «новые русские», удачливы и богаты, они не подданы, не циники, энергичны и отважны и по нынешним канонам вполне могут составить счастье своим избранным. Однако любовь здесь называется страсть, сексуальное удовольствие; коллизия мечты и реальности подменяется альтернативой «секс и деньги». Но и в этой сфере самоутверждение все обстоит гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Предваряющий «Небо падших» эпиграф из «Манон Леско» А. Ф. Прево – истории о мучительной страсти, замешанной на деньгах, погоне за наслаждениями, шулерстве, риске, и о неизбежности конца – не только соотносит «Небо падших» с блистательным образом переломного (для французской и русской культуры) XVIII столетия, когда философия гедонизма практически урваняла в глазах прекрасного пола мужскую отвагу с властью золота, но и включает поляковскую повесть в определенную традицию. Там и

там – жизнь героя сломана страстью; там и там – любовь всегда права. Наконец, там и там – ореол неразгаданности героинь. Но есть и тьма различий. Героиня французского романиста использует мужчин, подчиняясь диктату мужской цивилизации. Героиня современного писателя, наоборот, бросает ей вызов. Хотя и нередко напоминает постсоветскую рабыню – женщину, коленах преклоненную перед новым хозяином перевернутого мира.

Однако главными на настоящий момент произведениями Ю. Полякова можно назвать романы «Козленок в молоке» (1993 – 1995), «Замыслил я побег...» (1995 – 1999) и «Грибной царь» (2001 – 2005).

«Козленок в молоке», сюжет которого закручен на истории одной литературной мифификации, показывает, что в поляковской прозе мифы идеологические, национальные, гендерные, литературные вступают в конкурентные отношения, перетекая друг в друга, меняя плюс на минус и, наоборот, взаимоотторгая и утверждая парадоксальные, с обычной точки зрения, смыслы. Так, реконструкция некоего литературного фантома в «Козленке» происходит в духе социалистического мифа, в центре которого – фундаментальная аксиома: идея создания «человека совершенного». Этой, увы, не решенной, не воплощенной в реальности сверхзадаче великого «метода» и созвучна абсурдная, казалось бы, затея главного героя романа: дерзкого спорщика, обязавшегося сделать великого писателя из... первого встречного: создать миф без Логоса, без свободы слова.

В романе, названном пушкинской строкой «Замыслил я побег...», переломный исторический период в жизни страны отражен в судьбе одной (пост)советской семьи. Метания его главы, в прошлом благоустраенного человека, но и после череды неудач обретающего свое местечко в банковской системе, отражают кризисность переходного времени. Ведущий двойную жизнь Олег Трудович Башмаков – то примиряющийся со своим семейным статусом, то пытающийся сбегать к очередной любовнице – представляет модифицированный в новых обстоятельствах тип человека уходящего, эскейпера поневоле. Эскейпизм – ментальное бегство, уход в себя – представлен в романе как мета общества в состоянии социалистического разрыва, слома былых норм и убеждений. Пронизывающий все романное действие «дух высоты» эскейперствующего, т. е. не решающегося жить настоящей жизнью, героя гротескно материализуется в финале. Цепляющийся за край бытия – над провалом своей жизни – герой-эскейпер соединяется с ужасно разрастающимся образом калеки-инвалида, зовущего в свое небытие. В свете таких смещающих смыслы заданных названием «планка» пушкинского стиха – «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» – воспринимается как не взятая героем вылета.

Детективная интрига, в которую облечены философские раздумья Ю. Полякова в романе «Грибной царь» о гонимости за шальной удачей предпринимателя Свириельского, обнаруживает жанровые поиски современной серьезной прозы, ее разворот к сюжетности и увлекательности. В итоге создается насыщенная картина нашей действительности – с выходом на самые разные ее пласты, в широком социологическом, политическом, идеологическом контексте, захватывающем историю страны с революционно-сталинских времен до распада советской системы и далее.

В последние годы Ю. Поляков стремительно выдвинулся в ряд известных драматургов. Своими пьесами и инсценировками («Контрольный выстрел», «Халам-Бунду», «Хомо Эректус», «Демгородок», «Козленок в молоке») в ведущих театрах страны и за рубежом он бросил своего рода вызов постмодернистским уверениям в том, что интерес к современной драматургии падает. Более того: наполняя постмодернистские модели (в частности, в пародирующих их постановках «Козленка в молоке») злободневным содержанием, он сумел на практике доказать, что социально ориентированный реализм и модернизм способны привлечь зрителя больше, чем поп-культура.

Проявляя себя и как яркий публицист, активно участвующий в формировании национального сознания, Поляков следует толстовскому принципу «не могу молчать». Выход в свет его статей и книг («От империи лжи к республике вранья», 1997; «Порнокрафия», 2004; «Зачем вы, мастера культуры?», 2005), продолжающих традицию общественной публицистики и вместе с тем демонстрирующих оригинальную систему авторских взглядов и идей, – всегда событие в общественной жизни.

Алла БОЛЬШАКОВА.

Последние секреты

почитаем!

Книга **Нормы Боске и Мишеля Рахлина «Марлен Дитрих: последние секреты»**, в которой собраны откровения великой актрисы, вышла в издательстве «Текст».

Дитрих познакомилась с Боске в 1977 году в возрасте 76 лет. Именно тогда она приступила к написанию мемуаров и искала литературного секретаря. Норма Боске – жена друга актрисы Алена Боске – как нельзя лучше подошла на эту роль. Ее роковая блондинка Марлен надиктовывала свои воспоминания.

Читатели узнают о кинокарьере Дитрих, о любви всей ее жизни Жана Габена, о скандальных отношениях с дочерью, о людях, с которыми она дружила и не дружила, о переживаниях звезды по поводу неизбежного старения и увядания. Боске описывает, как прошли последние 15 лет жизни актрисы, ведь она была не только секретарем, но и медсестрой, сиделкой и подругой.

В. Б.

Наталия СОЛНЦЕВА:

Люблю интеллектуальную дуэль

Не шесть поклонников творчества Натальи Солнцевой. Ее романы привлекают органичным сочетанием истории и современности, тонким пониманием психологии человека, умением мастерски строить интригу, стилем, который невозможно спутать с другими писателями. Мы попросили популярного автора ответить на несколько вопросов.

– В широком кругу писателей, в творчестве которых детективная история или расследование занимают центральное место, у вас свое «лица не общее выражение». Как вы пришли к этой теме?

– Меня всегда привлекала интрига. То есть какая-то неординарная ситуация, вокруг которой развивается действие. Ситуация, которая заставляет участников раскрыться, показать свое истинное лицо, доселе не известные не только окружающим, но зачастую и самому герою. Никто ведь не знает себя до конца. Каждый человек создает некий образ, представленный в социуме. И этот образ далеко не всегда соответствует его истинному «я».

В детективе таким ключевым моментом является преступление. Например, убийство. Начинается расследование, в ходе которого происходит множество интереснейших вещей. В сущности мы имеем дело с поединком, этакой интеллектуальной дуэлью. Где один человек пытается разгадать замыслы другого. По сути проникает в его внутренний мир и разоблачает его намерения. Мне хочется показать, как работает мысль, как ведут себя сознание и подсознание, что при этом человек чувствует, как он реагирует. Почему он поступает так, а не иначе. Какое решение или суждение оказалось для него роковым. Ведь убийство, как ни цинично это звучит, имеет свою философию.

Чтобы усложнить интригу, я ввожу в свои романы условно недоушевленных героев – предметы старины, произведения искусства, реликвии или уникальные сооружения. Например, в романе «Ларец Лунной девы» таким сооружением является дольмен. В сюжете он играет центральную роль. На самом деле реликвия или ритуальный предмет обладает собственным информационным полем и энергетикой, которая порой очень серьезно влияет на человека и его поступки.

Именно это смешение факторов приводит к непредсказуемым последствиям как для «злодея», так и для сыщика.

– Соединить историю, легенду и современность часто очень трудно. Как вы находите сюжеты для своих романов?

– Интереснейшая задача –

Встреча с автором

– Помогает ли вам полученное образование? Как подпитываете себя знанием истории, реальный давно прошедших дней?

– Мне образование не имеет ничего общего с литературой. Зато тесно связано с искусством. Я не искусствовед, как многие считают, и не историк. Но я творческий человек. Я пробовала разные виды творчества – и каждый дал мне что-то свое, какой-то важный навык. Чувство меры, стиля... определенный вкус, наконец. Мне не нравятся тексты, которые претят жаргоном и откровенной пошлостью. Пошлости и без того хватает. Когда человек берет в

руки книгу, он хочет отвлечься от повседневности, узнать что-то новое, по-другому взглянуть на историю, пережить вместе с героями приключение, любовь и победу. Открыть в себе маленький клад, о котором и не подозревал. Что-то понять...

Века текли, а люди не меняются. Их по-прежнему волнуют те же вещи: жизнь, смерть, любовь, счастье. Меняются только «декорации». Так что заглянуть в историю несложно. А реалии времени – одежда, быт, манеры, культура – это всего лишь рамка для действия. Но тут, конечно, без специальной литературы не обойтись. Чтобы не попасть впросак, лучше уточнить: что носили, что ели, как спали, чем дрались – дубинками или саблями.

Окончание на 2-й стр.

Рижский аншлаг «Москвы книжной» и поэта Дементьева

без границ

Рижский Дом Москвы открыл свой новый сезон выставкой «Москва книжная», ставшей отнюдь не рядовым событием из плана мероприятий, намеченного на оставшиеся четыре месяца года.

Выставка – это подготовленные в российской столице около 250 книг, художественных альбомов, справочников, энциклопедий (почти все выпущены в течение последних трех лет), отражающие экспозицию издательских программ правительства Москвы. Для иностранцев, независимо от того, ощущают ли себя таковыми русскоязычные рижане, приходящие на выставку, она, несомненно, дает представление о многоликом портрете 864-летнего города и его выдающихся жителей – от Льва Толстого до Всеволода Боброва. Мы с вами – не иностранцы, а земляки – легко пойдем это по одному лишь перечислению разделов выставки: «Москва в кино, живописи, фотоконтакте и плакате», «Жизнь знаменитых москвичей», «Москва православная... Не стану называть ее экспонаты, но на одном все же позволю себе задержаться. Уже потому хотя бы, что великолепный альбом «Деньги – Пушкин – Деньги» задержал меня минут на двадцать, восхищенно листающим страницами, где иллюстрирует больше, чем текста. Титул лучшей российской ART-книги года, которым на днях удостоили это издание, что и говорить, заслужен по праву.

Экспонаты «Москвы книжной» к месту их выпуска уже не вернутся. Большая часть привезенной литературы отправится в границах с Россией, Белоруссией и Литвой Латгалию, став желанным даром недавно открывшемуся центру русской культуры Резекне – родине Юрия Тынянова, где и волны экономического кризиса не сумели захлестнуть традицию проведения международных «тыняновских чтений»: красочные детские книги, надо полагать, обрадуют ребят из даугавпилского детдома «Priēdīte» («Сосенка»).

Много выставочных изданий переедет и Национальной библиотеке Латвии, о кото-

рой вообще пора, наверное, сплести особую песню. Потому что весьма вероятно, Латвия оказалась единственной страной в мире, умудрившейся вопреки финансово-экономическим бурям, ураганам и прочим цунами построить в эти штормовые годы новое здание Национальной библиотеки, которая без преувеличения задыхается в прехнем доме, к слову, в двух шагах от Дома Москвы. Добавьте к этим катаклизмам несомлительный ропот протестов снизу: какая, к черту, библиотека, когда пенсии урезают, а отопление требует больших денег... Дело, конечно, обернулось долгострыем, а значит, «Замок света», как прозвали причудливые формы здания, спроектированное американским архитектором латышского происхождения с мировым именем Гунаром Биркертсом, и впрямь обошлось в неслухотную сумму. Но странной, знаете ли, сюжет выстраивается: чем выше поднимается на левом берегу Даугавы этот «Замок света», внедряясь в привычный пейзаж рижской панорамы (а стройка уже на финишной прямой), тем приглушеннее ропот. Похоже, скоро и те, кто постигнул власти на чем свет стоит, что те транжирыт миллионы не на жизненно важную социальку, а на какую-то библиотеку, станут показывать ее гостям в ряду достопримечательностей родного города, но без гордости приговаривая: «А это наш «Замок света».

Специальным гостем выставки стал поэт Андрей Дементьев. Вполне объяснимый аншлаг собрал его творческий вечер в киноконцертном зале Дома Москвы. При открытии же экспозиции автора, чьи поэтические сборники, по подсчетам издателя, вышли общим тиражом свыше 30000 экземпляров, предпочло общаться с местной прессой, русской и латышской, как коллеги, в беспорочном творческом активе которого многолетнее редактирование журнала «Юность». Новостью прозвучало признание Дементьева, что его работа журналистом, оказываемая, началась в Риге, куда студент московского литинститута прибыл на практику в редакцию газеты «Советская Латвия».

Матвей ГЛБЗОВ, собкор «МП» в странах Балтии

О памятном и наболевшем

впечатления

О соловецких юнгах написано уже много. Первым их ввел в литературу Валентин Пикуль. Его роман «Мальчики с бантиками» положил начало, прямо сказать, соловецкой иллиаде. Сами юнги, он и его друг писатель Виталий Гузанов, ныне оба покойные, написали немало книг об этих удивительно юных защитниках Родины. Есть книги-воспоминания и других бывших юнгов (это правильное название, говорил мне Гузанов, потому что на бескозырках так и значилось - «школа юнгов», - В. К.).

Казалось, что с уходом участников тех событий эта тема исчезнет из жизни нынешнего поколения. Но, когда мне попалась книга **Ивана Дудорова и Алексея Офицерова «Мой дедушка - юнга с Соловецких островов»**, которая подготовлена к изданию литературным объединением Строгино (издательство БФРГТЗ «Слово»), я понял, что эта тема еще долго будет волновать сердца не только бывалых моряков, но и юное поколение нашей страны, мечтающее о морской романтике и героических подвигах.

Книга написана в интересном жанре воспоминаний и размышлений. Дед, бывший юнга, а ныне художник Иван Дудоров, рассказывает внуку Алексею Офицеру не только о своей военной юности. Они рассуждают о своем видении исторических событий, которые имели место быть в Российском и Советском флоте. От героической гибели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» до «матеха» на большом противолодочном корабле Валерия Саблина 9 ноября 1975 года. И оба, покойной и молодой, высказывают свое видение этих и других событий.

Примечателен вопрос внука: «Я воспитывался и рос в годы разгара перестройки, т. е. в годы отхода от социалистических взаимоотношений, от коммунистической морали. Сейчас самый главный народный праздник у нас и в странах СНГ, 7 ноября, упразднен. Я хорошо помню, что в нашей семье этому празднику придавалось большое значение. Как ты относишься к этому событию?» Привожу только короткий ответ деду, все рассуждения в книге: «Упразднить 7 ноября - это вырвать заживо из истории России ее звездное время - советскую цивилизацию».

Но все-таки основная тема книги - мужество мальчишек-юнгов в защите своего Отечества на море. Рушатся традиции флота, и в этом главная беда. В подтверждение этого хочется привести размышления деду из книги: «Флот всегда был силен своими традициями и своей символикой. Особенной любовью среди моряков пользуются бескозырка и тельняшка. Они напоминают о славном боевом прошлом нашего флота. Бескозырку носил легендарный разведчик, герой обороны Севастополя 1854 - 1855 годов матрос Петр Кошка. В годы Великой Отечественной войны советские моряки, сходя с кораблей и став пехотинцами, бережно

хранили тельняшку и бескозырку. В жаркий момент боя, пренебрегая опасностью, надевали бескозырку вместо касок, расстегивали ворот гимнастерки, тельняшками показывали свою принадлежность к флоту. Моряки всегда были неравнодушны к тельняшке, называя ее морской душой.

Сейчас, к сожалению и огорчению, у флота отняли тельняшку, гордость и символ славы военно-морского флота. Тельняшка была только на вооружении флота, приобрести ее было не так просто.

Отнять - это не только лишить чего-то. В данном случае в тельняшку одели всех: и чеченских боевиков, и ОМОН - и Шахрая в тельняшке показали по телевидению...»

В книге по праву отдана честь многим знаменитым юнгам, впоследствии принесшим славу Родине и на других поприщах - это известный писатель Валентин Пикуль, и первый бое страны Борис Штоколов, и известный подводник адмирал Вадим Коробов, и многие другие.

Не хочу комментировать отдельные положения в книге, читатель вправе иметь свое мнение, но то, что книга интересна для всех возрастов, - несомненно. Здесь есть пища для размышлений, которые можно добавить к размышлениям авторов. В самом названии книги заложена целостная философия передачи и развития традиций Российского флота. Дед старается доказать истину, опровергнуть ложь, клевету, исходя из своих убеждений и жизненного опыта, внук признает их убедительными и интересными, но имеет и свое мнение.

Книга написана доступным языком, интересно и захватывающе. Я, как читатель, отмечу, что прочел ее на одном дыхании, в отличие от других замечательных современных книг. В ней нашел и много актуальных вопросов нашего времени. Ценность этой книги еще в том, что в преддверии 70-летия школы юнгов - школы была создана 25 мая 1942 года приказом наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова - она (книга) напомнит о славных делах «мальчиков с бантиками» и даст представление о многих страницах истории флота.

Написавший предисловие к книге председатель Совета ветеранов Северного флота контр-адмирал В. Т. Лосиков емко определяет смысл и содержание книги словами флотского поэта нашего времени капитана 1-го ранга Николая Гульнева:

«... Россия, Русь, Судьба моя! Моя неведомая сила. Во мне отныне Боль твоя, Печаль И вечное сомнение, И даже песня Соловая Звучит слепою Откровенно!»

Цитировать, тем более пересказывать и комментировать книгу бесполезно да и невозможное. Ее надо читать. А то, что она вызывает интерес, доказывает еще один факт - она вышла уже третьим изданием.

Вадим КУЛИЧЕНКО,
капитан 1-го ранга в отставке.

Иван Дудоров и Алексей Офицеров

Их осталось всего пятнадцать

премии

Определен «короткий список» произведений, выдвинутых на Бунинскую премию 2011 года.

На основе экспертных заключений, выполненных видными специалистами в области литературоведения из ведущих академических институтов и вузов страны, в середине сентября был определен так называемый шорт-лист, претендентов на соискание премии. Попечительский совет, возглавляемый известным ученым, общественным деятелем, членом Союза писателей России И. И. Ильинским, рассмотрел результаты экспертизы и утвердил 15 имен из 62 кандидатов. В одном из номеров «Книги в Москве» мы опубликовали только московские издания, вошедшие в «длинный список». И на этот раз решили назвать всех, кто вошел в число претендентов на присуждение Бунинской премии-2011, вне зависимости от географии издательства и авторов.

Напомним, VII конкурс на соискание Бунинской премии в 2011 году проводится в номинации «художественная проза». Он привлекает интерес писателей, литературных журналов, изда-

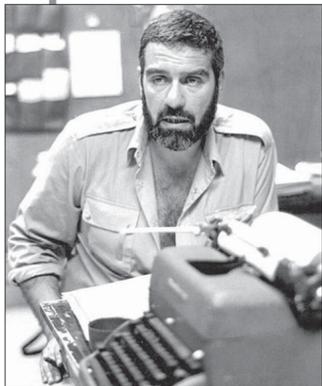
- Галактионова Вера. Спящие от печали. Повесть // Наш современник. 2010. №№3 - 4.
- Есеев Борис. Евстигней. Роман-версия. М.: Время, 2010;
- Ермакова Анастасия. Точка радости. Повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 2010;
- Кантор Владимир. Сто долларов. Маленькая повесть // Знамя. 2011. №4;
- Личутин Владимир. Река любви. М.: ИТРК, 2010;
- Мурьяева Ирина. Барышня. Роман. М.: Эксмо, 2010;
- Полков (Катин) Дмитрий. Скользящие в рай. Повесть // Аврора. 2010. №5;
- Сokolовская Наталья Евгеньевна. Любовный канон. Повести, рассказы. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011;
- Сотников Владимир. Пролитая вода. М.: Эксмо, 2010;
- Чугунов Владимир. Пляч Адама. Нижний Новгород: Родное пепелище, 2011;
- Шаргунов Сергей. Книга без фотографий. М.: Альпина нон-фикшн, 2011;
- Яшин Алексей. Страна холода (Детство в Гиперборей). Повесть. М.: Изд-во «Московский Парнас», 2009.

- Астраханцев Александр. Антимужчина. Роман и рассказы. М.: Голос-Пресс, 2010;
- Берсенева Анна (Сотникова Татьяна Александровна). Ответный темперамент. Роман. М.: Эксмо, 2010;
- Воробьев Сергей. Форс-мажорные обстоятельства. Морская проза. Рига; СПб.: Светоч, 2009;

Оксана МЕРЗЛИКИНА.

«Соло на ундервуде» Сергея Довлатова

Все сложилось причудливо и драматично. Нужно было умереть Довлатову и пасть тоталитарному режиму в России, чтобы его произведения стали популярными. А книгу о Довлатове выпущено больше, чем он написал сам. Сегодня мы с большим пиететом отметили 70-летие со дня его рождения. Но он, к горькому сожалению, прожил всего лишь 49 лет.

Последними словами прижизненной книги Сергея Довлатова были: «Все интересно, что будет после смерти? После смерти начинается история».

В случае с Довлатовым - полное признание и канонизация. Из почти «никто» в современные классики. При жизни не признавали, и многие состоявшиеся писатели смотрели на него свысока, а после смерти все в восхищении: Довлатов! Это такоел.. А дальше фейерверк восхищений и похвал. Ничего не остается, как присоединиться к общему хору.

Рождение и становление

Сергей Донатович Довлатов родился 3 сентября 41-го, в первый военный год, в Уфе. Потом семья переехала в Ленинград.

Родители - типичные интеллигенты: отец Донат Исаакович Мечик - режиссер, писатель, преподаватель, был знаком с Ахматовой и Зощенко, Пастернаком и Светловым и многими другими замечательными людьми. Мать Нора Сергеевна Довлатова - актриса.

Сын Сергей - дитя смешения кровей армянской и еврейской, что и выражал его обычный еврейско-армянский взгляд, как известно, этим народом есть о чем грустить и о чем печалиться. Подросток, Сергей сменил неудобную фамилию Мечик (Мечик-Мачик) на более благозвучную Довлатов и с каждым годом все более становился похожим на восточного человека. Знакомой женщине по телефону на вопрос, как она его узнает, Довлатов ответил: «Большой, черный, вы сразу испугаетесь. Похож на торговца уроком». Ответ исполнен юмором, который у Довлатова искрился с юных лет. Он любил юмор, остроты, розыгрыши и разные фантазии. «В Серезином детстве, - вспоминал отец, - многие восторжались его внешностью, сложением, ростом, выразительными движениями. Отмечали красивый голос, четкую речь. Иногда замечали, что он чувствует смешное, а порой может и сам рассмешить окружающих...» То есть можно сказать, что Довлатову юмор был присущ чуть ли не с пеленок.

Юмор юмором, а внутри мальчика, как потом юности шла невидимая, скрытая работа. Он постигал мир. А в итоге Довлатов - типичный случай двойственности: внутри он - печальный, размышляющий, рефлектирующий, внешне - веселый, легкий, искрящийся.

И еще одна важная черта. С детства Довлатовым был усвоен код благородного человеческого поведения. И когда этот код нарушался, а порой и самим Довлатовым, он сильно страдал. Он был на редкость порядочным человеком и, как все порядочные люди, мучился от своего несовершенства, от своих ошибок и заблуждений. И важно мнение Иосифа Бродского: «Серезжа принадлежал к поколению, которое восприняло идею индивидуализма и принцип автономности человеческого существования более всерьез, чем это было сделано кем-либо и где-либо».

Жизнь Довлатова делится в основном на три периода и три города: Ленинград, Таллин и Нью-Йорк, в промежутке - Пушкинские горы.

Ленинград - это юность. Беззаботное и мятежное время любви и поэзии. Друг Довлатова Дмитрий

Дмитриев (ставший геофизиком) вспоминал: «Учились мы так себе, но двоичниками не были...» Ну, а в студенческие годы - «интересы у нас с Серезжем текли в одном направлении: у кого какие девочки на курсе учатся и когда будут танцы...» Ну и, конечно: «дешевое виношко, пили, курили, слушали музыку, ухаживали за девушками, старались быть умными, Серезжа особенно...» Довлатов был одержим быть первым - таким вот обладателем характером. Но если с девушками почти всегда выходило, то в поэзии первенствовать было сложно. Хотя Довлатов и выделялся тем, что мог лучше и быстрее всех сочинить экспромт за столом. При этом он отлично рисовал и часто сопровождал свои рисунки стихотворными подписями: типа: «А вот это будет лев./ он заснул, этого-то съев». Или: «Например, вот этот слон./ Он чудовищно силен./ На макушке у слона/ Пририсована луна./ Ведь известно, что слоны/ Ростом чуть не до луны».

Писал стихи Довлатов и в армии, оказавшись в самом неприглядном месте - в ВОХРе, в военизированной охране, да еще «на зоне», в сырьевом краю в Коми, в совсем неподходящем месте для поэзии:

*Девушки солдат не любят,
Девушки с гражданскими танцуют,
А солдаты тоже люди,
И они от этого тоскуют.
У стены стоят отдельной группой
Молодые мхурые мужчины,
А потом идут пешком из клуба
Или едут в кузове машины.
И молчат, как под тяжелой ношей,
И молчат, как после поражения,
А потом в казарме ночью
Очень грязно говорят
про женщин.*

*Я не раз бывал на танцах в клубе,
Но меня не так легко обидеть.
Девушки солдат не любят,
Девушек солдаты ненавидят.*

Вполне зрело и жестко, но тем не менее Довлатов не стал профессиональным поэтом. Так, стихи по случаю. Он хотел стать писателем. Его писательство выражалось даже в монологах болельщика, когда он вернулся из армии в Питер и продолжал любовную игру: «Девушка, взгляните в мои голубые глаза. Вы в них найдете вязкость петербургских болот и жемчужную ткань атлантической волны в час ее полуденного досуга. Надеюсь, вы не взъежитесь, если не найдете в них обывательского добродушия? Девушка, вы заметили, как темнеют мои глаза в момент откровенных признаний?»

Ну, и как устоять было девушкам? Или воспоминание Иосифа Бродского: «Это была зима то ли 1959-го, то ли 1960 года, и мы осаждали тогда одну и ту же коротко стриженную, милую женщину крепость, расположенную где-то на Песках. По причинам слишком диких, и если не за деньги, то просто так. Мытарилась вояка».

Девочки крепости оказались брать легче, чем редакционные кабинеты, - так было раньше, и смею вас уверить, так же трудно теперь.

Мытарь

В библейских сказаниях мытарь - сборщик податей в Иудее. Он собирает подати, а его проклинают за это. Поэтому мытарь обозначает страдания, муки. Применительно к Довлатову - он ходил по редакциям и хотел увидеть свои тексты напечатанными, и если не за деньги, то просто так. Мытарился вояком.

Елена Клепикова, работавшая в начале 70-х в отделе прозы журнала «Аврора»; в ноябре 1971 года записала в своем дневнике: «Снова пришел Довлатов. Совершенно замученный человек. Сказал, что он - писатель-середняк, без всяких претензий, и в этом качестве его можно и нужно печатать». Ну, мытарь же чистой воды.

Довлатов ходил в «Аврору», как на работу, предлагал, просил, убеждал, но все напрасно: советский Гутенберг его полностью игнорировал и не хотел печатать ни строки. Клепикова вспоминает, как однажды он, дурачок, изобразил идейно-лекционное триединство - питерский взрослый журнал такой картинкой: «течет революционная река «Нева», над ней горит пятиконечная «Звезда», стоит на приколе «Аврора». А на берегу возле

Смольного пылает в экстазе патриотизма «Костер», зажженный внуками Ильича. Что-то в этом роде. Серезжин версия была точней и смешней. Он стоял в пальто, ткетно апеллируя к аудитории, - никто его не слушал. Был старателен и светил. Очень хотел понравиться как перспективный автор. Но главная редактриса смотрела хмуро. И ни один из толстой папки его рассказов не был даже пробно, в запас, на замену, рассмотрен для первых авроровских залпов».

Бесперспективный автор. Даже друзья-поэты (потом об этом они сожалели) говорили: «А, Довлатов! Легковес!» Естественно, Довлатов сильно не кивовал. А тем временем Иосиф Бродский укатил в Америку, Битов, Рейн и Найман уехали в Москву, Довлатов по существу остался один из страдал от тотального непечатания. Художественного непечатания, а так - работал в многотиражной газете Ленинградского кораблестроительного института под названием «За кадры верфям».

Таллин. Поиски удачи

Следующий этап жизни: эстонская столица. В повести «Ремесло» он написал об этой своей вынужденной поездке на ближний Запад: «Почему направился именно в Таллин? Почему не в Москву? Почему не в Киев, где у меня есть влиятельные друзья? Разумные мотивы отсутствовали. Была попутная машина. Дела мои зашли в тупик. Долги, семейные неурядицы, чувство безнадежности».

Тут следует сказать, что свою жизнь Довлатов описывал с редкой откровенностью, но при этом, правда, осталась загадка, насколько авторский персонаж Довлатова совпадает с реальным автором Довлатовым. Иногда они совпадают как один к одному, а иногда весьма разнятся. Автор как бы посмеивается над своим вторым «я» и приписывает ему нечто чужое.

В Таллине Довлатов всеерьез взялся за претворение своей мечты издать книгу. Он нашел издательство, подписал договор, увидел гранки, дождался второй корректуры, а дальше все застопорилось, более того, готовую книгу не издали. Местное КГБ заинтересовалось связями Довлатова с диссидентами, а это было не связи, а просто знакомство за бутылкой, но тем не менее бдительные органы наложили вето, табу, запрет на мечту Довлатова. И от отчаяния он впал в запой. Мечта была совсем рядом, ее можно было потрогать - и на тебе: ускользнула. Исчезла. Испарилась. Ну, как тут не заплыть? Над пьяным Довлатовым весело потешался успешный Александр Кушнер, приехавший из Ленинграда в Таллин за своей новой книгой. Короче, кому книга, а кому - фиگار!.

И тогда пришла Довлатову идея попытаться счастья в Америке, но перед Штатами были еще мельком Пушкинские горы, где его по знакомству устроили работать экскурсоводом. Знания у него водились, но юмористическое начало превалировало. Об одном из «приколов» рассказал навестивший Довлатова Евгений Рейн:

«Перед домиком Арины Родионовны он остановился, экскурсанты окружили его. «Пушкин очень любил собаку, - начал Довлатов. - Она рассказывала ему сказки и пела песни, а он сочинял для нее стихи. Среди них есть всем известная, ну, например, это... «Ты жива еще, моя старушка?» И Сергей с выражением прочитал до конца стихотворение Есенина. Я с ужасом смотрел на него. Он незаметно подмигнул мне. Экскурсанты безмолвствовали. Это был довлатовский театр, одна из мизансцен замечательного иронического спектакля».

В Пушгороде Довлатов жил в избе, через дырку в которой к нему приходили собаки. Достойное сочетание: бездомные собаки и непризнанный писатель. Ну, и гуляния в ресторане «Битязь», о чем Довлатов весело описал в своем «Заповеднике». Решение укатить в Америку сопровождалось безумным пьянством, и как вспоминал Андрей Арьев, выпивали еще в аэропорту перед посадкой.

Об обстоятельствах отъезда Довлатов написал в рассказе «Ремесло»: «В конце 79-го года мы дружно эмигрировали. У нас были разнообразные претензии к советской власти. Женя страдала от бедности и хамства. Женя ненавидела антисемитизм. Крайние взгляды дочери были незначительной частью ее полного отрицания мира. Я жаловался, что меня не печатают».

иллюстрации города Мулен (Франция), в Центре литературы для юношества (Брюссель).

В России юбилейные мероприятия прошли в Музее В. В. Набокова (Санкт-Петербург). В выставочном зале музея впервые в России были показаны книги Е. Ивановской, любезно предоставленные коллекционерами и исследователями из Нидерландов С. Стоммелсом и А. Ленменсом. Нидерландские коллеги сделали щедрый подарок - книги с выставки остались в собственности Санкт-Петербургского информационно-культурного центра «Русская эмиграция». Организаторы решили сделать выставку передвижной, чтобы познакомить российских любителей искусства книжной иллюстрацией с судьбой талантливой русской художницы и ее творчеством.

На выставке представлено 29 прижизненных изданий книг с иллюстрациями Е. Ивановской и 20 планшетов: биография, фотографии и репродукции иллюстраций из разных книг.

Идентификация женщины

29 сентября в Киноцентре Всероссийской государственной библиотеки иностранной

Кто в те годы из интеллигентов не бредил Америкой? Вот и Довлатов поехал туда с большими надеждами.

Жизнь в Нью-Йорке

По словам Елены Клепиковой, первый год в Нью-Йорке Довлатов производил впечатление огуленного. О литературе не помышлял. Не знал, с какого бока к ней здесь подступиться. Ходил на ювелирные курсы в Манхэттене. Убеждал себя и других, что способен делать ювелирные лучшие мастеров, что у него от бога и хватит на всю жизнь. Чуть позже Довлатов загорелся на сильно денежную, по его словам, работу швейцара - в пуночном мундире с галунами, в роскошном отеле. Говорил, что исключительно приспособлен - ростом, статью и мордой - для этой должности. Но постепенно, отбросив глупые иллюзии, вернулся к своему истинному призванию писателя. Проявил бурную предприимчивость и подбил многих русских журналистов на различные издания - от «Нового американца» до «Русского плейбоа». И этой своей деятельностью сильно расстроил, как кто-то выразился, «тусклый литературный пейзаж русского Нью-Йорка». Вслед за журналистикой Довлатов занялся и литературой, а порой совмещал то и другое.

В 1978 году Довлатов эмигрировал из СССР, а через год примерно - 22 ноября 1979 года - писал в письме бывшей жене Тамаре Зибуновой: «Мы - бедные, довольно знаменитые, грустные и, в общем, достаточно старые. Мечтаем о настоящем читателе, о российской аудитории, об атмосфере родного языка и теплых человеческих отношений. Американцы - замечательные люди, но раскрываются они только, когда беседуют с психоаналитиком, деньги одалживают не принято (этим занимается банк), звонит среди ночи не принято, жрать в гостях не принято, все занимается собой. Это вообще-то прекрасно, но мы не привыкли. О еврейской эмиграции не хочу и говорить, тут нью-йоркцы Ильф с Петровыми».

И далее в письме признание, полное горечи: «Америка - прекрасная страна, но мы слишком поздно сюда приехали, мы не привыкли к реальной законности, не привыкли к денежно ориентированным отношениям, не привыкли к суверенности, ко многому такому, что нам кажется равнодушным. Конечно, если считать, что я уехал ради литературы, ради того, чтобы печататься, то этого я достиг, но, к сожалению, это не все, далеко не все...»

И той же Тамаре Зибуновой писала почти 10 лет, 6 января 1989 года: «Давно уже не существует начинающего автора, обивающего пороги редакций и издательств. Я написал двенадцать книг, четыре из них переведены на несколько языков, еще на три книги у меня есть контракты в разных странах и так далее. Конечно, я не стал Шекспиром или Бродским, но я давно уже профессиональный литератор, бедный, как большинство серьезных писателей на Западе, но вполне уважаемый, и объем написанного обо мне уже раза в три превосходит все, что написал я сам».

Привозащитник и публицист Вадим Белоцерковский отмечал: «Если бы Довлатов мог остаться в России, если бы он там начал свой литературный путь и прошел бы по нему значительное расстояние, он мог бы выйти на крупные темы, сюжеты и образы, но начинать карьеру писателя в чужой стране - дело почти безнадежное. То, чего достиг Довлатов в Америке, - это, наверное, максимум возможного, и достичь этого можно было только с его талантом».

А вот одно из писем Довлатова Белоцерковскому, и его можно считать подводящим итогом (вот уж истинные слова Андрея Вознесенского: «Но итоги всегда печальны, даже если они хороши»). Дата письма: 15 февраля 1986 года (за 4,5 года до смерти): «Дорогой Вадим! Ничего не застаивает меня вылезти из убежища глубокого пессимизма, тем более что жизнь этим настроением способствует. Все мои западные книжки экономически провалились, новых контрактов не будет, переводчика снова родила и возится с младенцем, родители болеют. Я уже год два ощущаю, что со мной происходит что-то важное. И наконец понял, что именно. Когда меня лет двенадцать не печатали, я бесознательно мог верить в свою неординарность и бессознательно же рассчитывать - вот начекают, и все изменится».

Окончание на 4-й стр.

В библиотеках

По 3 октября в читальном зале Центральной городской юношеской библиотеки им. М. А. Светлова проходит выставка работ Кати Хансен «Моя маленькая Дания».

Свои работы Кати Хансен творит из ткани, шерсти, раковин, стекла, растительных и других материалов. В 2005 - 2007 годах она училась современной европейской анимации в московской Школе флористов. В 2006 году прошла первая выставка Кати Хансен в Государственном биологическом музее им. К. А. Тимирязева.

В 2009 году художница окончила курс «Технология изготовления тканей по авторской методике» в Строгановском училище. С 2008 года Кати Хансен - член объединения художников Skinfaxe в Дании. Ее персональная выставка прошла в 2009 году в Pexale Laderplads.

В сентябре 2011 года в читальном зале Светловки можно увидеть «живопись из текстиля» Кати Хансен. Работы выполнены на специальной иглопробивной машине - без клячи и ниток скрепляется много слоев легких материалов (органза, шелк, хлопок, шерсть).

Маленькая Дания

На выставке также представлены традиционные коллажи и аппликации.

Сто лет без Столыпина

До 1 октября Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына приглашает на выставку «П. А. Столыпин: страницы государственной деятельности. К 100-летию со дня гибели».

5 (18) сентября 2011 года исполняется 100 лет со дня смерти Петра Аркадьевича Столыпина, одного из крупнейших государственных деятелей пореформенной России. П. А. Столыпин возглавил правительство в труднейшую для страны пору. Тяжелое поражение России в войне с Японией, экономический хаос, кризис власти, утрата нравственных ориентиров, разгул политического террора и массовое неповиновение - вот некоторые штрихи, характеризующие развитие России в начале XX века.

П. А. Столыпин взял на себя историческую ответственность за крутой поворот в стратегическом курсе развития страны. По-

кушение на жизнь премьер-министра 1 сентября и его последующая смерть 5 сентября 1911 года превалировали над мирным эволюционным процессом реформирования страны, ее системной модернизацией, что имело трагические последствия для дальнейшего исторического развития России.

Выставка «П. А. Столыпин: страницы государственной деятельности. К 100-летию со дня гибели» является частью международной научно-практической конференции «П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. К 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина», которая состоится в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына 28 - 30 сентября 2011 года. Учитывая приуроченность конференции к трагической дате гибели премьер-министра России, основной раздел выставки посвящен последнему периоду в жизни П. А. Столыпина.

На выставке представлены документы из собрания Государственного архива Российской Федерации, фотографии из фондов Российского государственного архива ки-

нофотодокументов, материалы архивно-музейного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына и семейные фотографии из личного архива Николая Владимировича Случевского, правнука П. А. Столыпина.

Русская художница

В Российской государственной детской библиотеке открылась выставка книг русской художницы Е. А. Ивановской. В 2010 г. в разных странах Европы отмечалось 100-летие со дня рождения русской художницы, иллюстратора детской книги Елизаветы Андреевны Ивановской, творчество которой получило мировое признание. Ивановская жила и работала в Бельгии с 1932 г., но всегда считала себя русской художницей. Ее выполнены иллюстраций более чем к 300 книгам, изданным в разных странах на 26 языках. В России творчество Ивановской до сих пор остается неизвестным.

К юбилею художницы выставки прошли на ее родине в Кишиневе, в Центре книжной

литературы имени М. И. Рудомино пройдет показ киноленты Микеланджело Антониони «Идентификация женщины», приуроченный к юбилею режиссера. Фильм будет транслироваться на итальянском языке с русскими субтитрами.

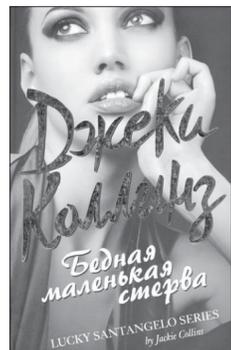
Это психологическая драма с тонким оттенком автобиографичности, рисующая трудные поиски пребывающего в затажном творческом кризисе кинорежиссера, стремящегося пробиться к подлинной правде взаимоотношений с двумя любимыми женщинами сквозь плотную завесу непоминания и скрытой враждебности окружающих. Фильм, удостоенный приза Каннского кинофестиваля, демонстрирует возвращение великого кинематографа к центральной коллизии всего творческого пути Микеланджело Антониони (1912 - 2007) - извечной тайне женской природы, сталкивающейся на пути к самопознанию с непреодолимыми препятствиями децентрализованной среды: коллизии, на рубеже 1960-х вызвавшей к жизни знаменитую экранную тетралогию, открывшуюся «Приключением» и завершившуюся «Красной пустыней».

Юлия НИКОЛЬСКАЯ.
5-я стр., 26 сентября 2011 года, «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Скандальный мир Голливуда

бестселлер

Библиотечная Джеки Коллинз - автор мировых бестселлеров - в особом представлении не нуждается: любители остро сюжетных любовных романов, поклонники ее творчества давно знают, что каждый новый роман - яркое событие в мире литературы. Ее книги переведены на 40 языков мира и изданы суммарным тиражом более 400 миллионов экземпляров.

Теперь никто уже не называет творения Д. Коллинз скандальными, а вот ее первый роман «Мир половенных мужчин», который вышел в 1968 году, охарактеризовали как «противный, грязный и отвратительный», запретили в Австралии и Южной Америке. Однако его прекрасно приняли в США и Великобритании, тираж разошелся на ура. Он и все последующие романы (а их вышло пока 15) сразу становились бестселлерами. Вначале Коллинз создавала любовные романы, позже писательница обращается к жанру остро сюжетного любовного романа, где обязательно присутствуют все атрибуты мира организованной преступности: интриги, вседозволенность, оргии, секс, наркотики и, конечно, убийства.

В этом жанре написан и роман «Бедная маленькая стерва», который впервые на русском языке вышел в издательстве «Эксмо». Читатели вновь с удовольствием погружаются в особый мир, который так искусно создает на страницах своих романов знаменитая англо-американская писательница: мир богатых, знаменитых и успешных людей. Он всегда привлекает. Правда, за этим блеском и гламуром почти всегда скрываются пороки, тайные страсти и преступления. Что ж, как показывает жизнь, это часто оборотная сторона медали мира богатых и наделенных властью, что и подтверждает еще раз новый роман Д. Коллинз.

В центре сюжета роскошная красавица Аннабель Маэстро - дочь своих звездных родителей, известных и богатых. Вокруг нее выстроены все остальные главные действующие лица: однокурсники Бобби, Денвер, Каролайн и друг Аннабель - Фрэнк. Название глав романа - это имена героев книги. И рассказывала отдельно о каждом, автор умело сплетает судьбы своих героев в одну замечательную и увлекательную историю. Коллинз не дает своим оценкам ни одному из персонажей, о том, что происходит в жизни Денвер, Аннабель, Бобби и других, мы узнаем от них самих. Порой рассказы о героях о себе шокируют своей неприкрытой откровенностью, и даже центральное событие романа - убийство матери Аннабель - невольно уходит на второй план и кажется уже не столь важным по сравнению с тем, что происходит в жизни молодых людей. Аннабель и Фрэнки - владельцы элитного борделя, всевозможными политиками, звездами шоу-бизнеса, нефтяные магнаты, живут «на всю катушку». Деньги текут рекой, Аннабель считается в Нью-Йорке одной из самых богатых женщин. Наркоман Фрэнки ей порядком надоед. Наряды, походы по магазинам, развлечения, секс, хорошее кино по телевизору и шампанское - вот что приносит Аннабель удовольствие. И кроме того, все это помогает забыть о

ЛЮБОВЬ КАТАРЖИВОВА.

Осенило! спроси себя

Определите, кому из известных персонажей принадлежит то или иное заманчивое высказывание. А правильно угадав, из букв, под которыми находятся верные варианты ответов, вы сможете составить окончание знаменитого изречения Цицерона: «Лучше умереть, чем...»

- 1. «Перо - язык ума». а) Козьма Прутков; б) Мигель де Сервантес, писатель; в) Михаил Жванецкий, сатирик.
- 2. «Талант работает, гений - творит!» а) Роберт Шуман, композитор; б) Зураб Церетели, скульптор; в) Александр Пушкин, «наше всё».
- 3. «Что сделалось смешным, не может быть опасным». а) Михаил Задорнов, сатирик; б) Франсуа Вольтер, философ; в) Николай Гоголь, писатель.
- 4. «Запретный плод сладок». а) Гай Юлий Цезарь, римский император; б) Овидий, римский поэт; в) Клеопатра, египетская царица.
- 5. «Брак - это долгий разговор, прерываемый спорами». а) Зигмунд Фрейд, психоаналитик; б) Алла Пугачева, поп-дива; в) Роберт Стивенсон, писатель.
- 6. «Бедность - не порок». а) Джером Клапка Джером, писатель; б) Клара Цеткин, революционерка; в) Анатолий Чубайс, политик.
- 7. «Мечта женщины - быть женщиной мечты». а) Кокко Шанель, модельер; б) Эдуард Севрус, литератор; в) Эллочка-людоедка.
- 8. «Человек - животное политическое». а) Аристотель, мыслитель; б) Никита Хрущев, политик; в) Уинстон Черчилль, премьер-министр.
- 9. «Если вы обещаете это - сделать и не делаете - это заслуживает доверия». а) Остап Бендер, сын турецко-подданного; б) Сергей Мавроди, «отец» Лёни Голубкова; в) Дж. Буш-младший, президент США.
- 10. «Аппетит приходит во время еды». а) Джакомо Казанова, авантюрист; б) Наполеон Бонапарт, император; в) Франсуа Рабле, писатель.

Дмитрий СВЕРИДОВ.

Начало на 1-й стр. Сейчас все - напечатано, высшей genialностью во мне не обнаружилось, никого и ни в чем убедить мне не удалось, газета, в которую я вложил лучшую часть души и остатки идеализма, провалилась, друзья (Вайль и Генис, к примеру) - надули, бросить журналистскую халтуру на радио я не могу, и так далее. К счастью, родился сынок + улучшилось, как ни странно, год от года отношения с женой. Вот куда-то сюда и передвинулся источник радости. Но я все еще не готов сместить эпицентр моих посягательств, перенести его с литературы на семью, природу, машину и даже на свободу. Короче, я продолжаю внутренне жить как недооцененный и замалчиваемый крупный литератор, будучи в действительности - сдержанно оцененным и не слишком крупным.

«Соло на ундервуде» Сергея Довлатова

и надорванность сил. А ведь начало было иным: «Мы заняли две комнаты на углу Бродвея и Четырнадцатой. Строго напротив публичного дома «Веселые устрицы». Неподалеку в скверике шла бойкая торговля марихуаной. И все-таки мы были счастливы. Ведь это была наша редакция», - писал Довлатов в рассказе «Ремесло».

Довлатов успешно выступал в печатных изданиях и на радиостанции «Свобода», где подрабатывал внештатным «скриптрайтером» (создателем маленьких очерков). И компания там подобралась, что надо: Петр Вайль, Виктор Некрасов и Александр Генис. Писем радиослушателей Довлатов получал больше всех. Но при этом жалованья, что все письма кончались одинаково - просьбой прислать джинсы.

Колонки, которые Довлатов печатал в «Новом американце», читались со жгучим интересом. Иногда он пылал гневом: «Мир половенных», это зло - внутри нас. А значит, человек должен победить себя. Преодолеть в себе - раба и циника, неведужу и труса, карьериста и ханжу! Навсегда убить в себе - корыстолюбие, чванство и продажность! Уничтожить в себе ядовитые ростки коммунистического лишаишка: нетерпимость к чужому мнению. Фанатизм и жестокость. Беззастенчивую преданность к собственным интересам. Баранье равнодушие. Жалкий страх перед ересью и новизной...»

Иронично: «Свершится ли все это? И на чьем веку? Я хотел бы посетить этот мир через тысячу лет».

Часто Довлатов спускался с высот и говорил на темы быдненных, приземленных. К примеру, рассказывал, какой он футбольный болельщик: «Я всегда болел неправильно. С детства мне очень нравилась команда «Зенит». Не потому, что это была ленинградская команда. А потому, что в ней играл футболист Левин-Коган. Мне нравилось, что еврей хорошо играет в футбол».

И в той же колонке (июль 1981) Довлатов резко встал на сторону шахматиста Виктора Корчного против Анатолия Карпова: «Я бы ударил Карпова по голове за то, что он молчал. За то, что он прекратил шахматист. За то, что у него все хорошо. За то, что его окружают десятки советников и гувернеров. Вот почему я болею за Корчного. Не потому, что живет на Западе. Не потому, что он играет лучше. И, разумеется, не потому, что он - еврей. Я болею за Корч-

нобо потому, что он в разлуке с женой и сыном. Потому что ему за сорок (или даже, кажется, за пятьдесят). И еще потому, что он не решился стукнуть Карпова шахматной доской. Полагаю, он этого желал не менее, чем я. А я желаю этого - безмерно».

И признание Довлатова: «Конечно, я плохой болельщик». Возможно, но журналистом он был блистательным.

В Нью-Йорке у Довлатова был успех и была тоска. «Мои взаимоотношения с Америкой делаются на три этапа, - признавался Довлатов. - Сначала все было прекрасно. Свобода, изобилие, доброжелательность. Продуктов сколько хочешь. Газет и журналов более чем достаточно. Затем все было ужасно. Курные пупки надоели. Джинсы надоели. Издательства публикуют всякую чушь. И денег авторам не платят. Да еще - преступность. Да еще -

чтобы заглядеть свою вину. «Огромный Сергея в панаме! Идет сквозь тропический зной!»

И вся его шутка смеется, И женщины млеют при нем, И сердце его разорвется. Лишь в пятницу, в августе, днем.

А нынче суббота июля, Он молод, красив, знаменит. Нью-Йорк, как большая кастрюля, Под крышкой панамы звенит.

Бродский любил повторять: - Жизнь коротка и печальна. Ты заметил, чем она вообще кончается? (из альбома Довлатова «Там жили поэты...»). Сергей Довлатов умер в Нью-Йорке 24 августа 1990 года от сердечного приступа. Здоровье уже было плохим, как мотор в старом автомобиле, а сам он нем не беспокоился. Он не дожил всего лишь 10 дней до своего 49-летия.

Отечественные журналы «Звезда», «Октябрь» и «Радуга» (Таллин) начали печатать прозу Довлатову, и его слава уже горделиво пошла по российской земле. Но полностью ее сияния Сергей Донатович не увидел.

Книги, тексты, записи. Первые книги конца 60-х: «Иная жизнь» и «Ослик должен быть худым», написанные в жанре «философской ахинеи», как их определил сам Довлатов. Из того же раннего периода - роман «Один на ринге». В начале 80-х созданы «Компромисс», «Зона» и «Наши». В 1986 году был издан сборник «Чемодан», затем «Заповедник», «Иностранка» и «Филиал», эти последние книги написаны, по определению Довлатова, «розовым пунктиром», т. е. фрагментарно, отрывочно, остро. Из поздних рассказов выделены «Ариэль», «Игрушка», «Мы и гинеколог Буданчик».

Не будем блуждать в литературоведческих джунглях, лишь отметим, что композиционно все книги Довлатова объединяет даже не на главы, а на абзацы, на микроповести. Как и в чеховских пьесах, важны не только слова, но и паузы между ними. Кстати, Довлатов в какой-то мере является наследником Чехова и Михаила Зощенко, а еще в его творчестве можно найти отголоски прозы американских прозаиков Шервуда Андерсона, Хемингуэя и Фолкнера, ну, и конечно, Сэлинджера: Довлатов тоже любил стоять над пропастью...

С детских лет бывший в театральном кулисах (благодаря отцу), Довлатов в своих произведениях тяготел к так называемому «театрализованному реализму». Он обожал театральные эффекты, не отходя ли его любимый перифраз: «Лишний человек - это звучит гордо!»

Все писатели, как правило, мечтают о «серьезной литературе», им хочется решать высокие задачи бытия, заниматься учительством, просветительством или даже пророчеством. Все это вызывало у Довлатова отторжение. Ничего подобного нет в его произведениях. И вообще он любил не сильных людей, не героев, а слабых людей, лишние, аутсайдеров, лузеров, у которых неустроенность бытия, туманность будущего, неопределенность замыслов и планов, неясность и сбивчивость чувств. Но все они выписаны ярко и осязаемо.

По мнению Льва Лосева, тоже американского эмигранта, «Уборка...» просматриваются некоторые идеальные параллели с романом Набокова. На первый взгляд ничего общего, кроме того, что действие происходит в тех же самых местах, что в романе «Пнин», героиня проживает в городке Онкведо и навдывается в университет Вайделл. Вся ирония заключается в том, что Вайделл - вымышленное место. В описании нравов этого провинциального университета Набоков вложил свои впечатления от американской системы высшего образования. Такой вот вымысел про вымысел.

Герой «Пнина», трогательно-комичный одинокий эмигрант из России, временами ведущий себя как ребенок. Несмотря на плохое знание английского и целый букет причин поведения, он обладает энциклопедической памятью и неунывающим характером. Однако и героиня Лесли Даниелс тоже одинокая чужака, совершающая неординарные поступки и выделяющаяся из однородной обывательской массы своей независимостью. Это обязательные, выходящие за читательскую симпатию недотепы, никогда не теряющие оптимизма. Как и в «Оливии», у Лесли Даниелс в романе соединяются эротика, любовные переживания и социально-нравственная критика американского образа жизни.

«Уборка...» - это здоровенный камень, пущенный в огород провин-

циального самодовольно-напыщенного буржуа: «эти громоздкие задки, навскипнутые в автомобиль». Осмелив подвергаться все американизированные институты - еда, работа, воспитание детей, система образования и социальная политика. Особенно досталось взаимоотношениям мужчины и женщины и сексу. Забавна вывернутая наизушку вывернутая подоплека «Лолиты». Вместо одного озабоченного Гумберта у Даниелс - десятки женщин с нереализованными сексуальными потребностями, атакующие центральный исследовательский центр. Тонкая насмешка над неверностью американцев к психоанализу и одновременно над академической наукой.

Юмор, ирония и интеллектуальные шарady, понятные только продвинутому читателю, - все, что так ценит Набоков, присутствует и у Даниелс, правда, пропорционально таланту.

Да и вся книга да есть тот самый любовный роман, который безуспешно пытается написать героиня по ходу действия, что уже само по себе как-то по-набоковски. Хотя к го-

лось. Разбросала по тексту отсылки к книгам Набокова и вставляла простенькие мысли героини о нем же, но и этого оказалось достаточно для одухотворения текста. Такова магия великого имени.

Александр ПЛЕТНЕВ.

Человек, как моральный представитель фауны, труслив и эгоистичен...» (12 октября 1964).

Довольно зрелая оценка окружающего мира. Некоторые отмечают, что у великана Довлатова была душа ребенка. Нет, это был умудренный жизненным опытом человек. Просто от тягот бытия он спасался шутством и юмором, которые некоторые знакомые принимали за его суть, мол, несерьезный человек.

Вспомнина Довлатова, Петр Вайль писал: «Кем бы хотел стать - об этом несколько раз говорил сам: джазовым музыкантом, который выходит на авансцену, поднимает трубу или саксофон, и зал обмирает. Это, конечно, мечта о немедленном воздействии, чего лично ремесло литератора: издательский цикл, типографский процесс, читатель за тридцать лет. В качестве устного рассказчика Довлатов такого музыкального эффекта достигал».

И еще Вайль: «Образование Довлатов получил нерегулярное, так как обнаружилось ошутимые провалы, почти полное незнание изобразительных искусств, серьезные лакуны в литературе - античность, зарубежная классика, даже такая, как Шекспир. Но уж что знал, то знал превосходно: русскую и американскую словесность. Вообще литература исчерпывала почти весь его кругозор. Помимо этого - джаз. Еще кино - прежде всего американское».

Ну и что? Действительно, Довлатов, прожил 12 лет в Нью-Йорке, не был ни разу в музее «Метрополитен». Он избегал «неужных ему знаний. Короче, он не был эрудитом, но он был Довлатовым, который нес в себе, по мнению Беллы Ахмадулиной (ну, а она всегда была знатоком тайных пружин), лучезарность и такую трагичность».

Подведем итог. Так кто такой все-таки Довлатов? Талантливый миниатюрист и ловелис слова, но виртуоз, если воспользоваться определением Осипа Мандельштама, «молекулярно-иоискусства».

Разговор из трех фраз: - Какой у него телефон? - Не помню. - Ну, хотя бы приблизительно?

На этом и завершим наш рассказ, где мы пытались хотя бы «приблизительно» поведать о Сергее Довлатове.

Юрий БЕЗЛЯНСКИЙ.

О пользе чтения Набокова

переводы

Существуют тысячи романов, созданных по заезженным штампам следующего содержания: героиня - неработающая женщина, как правило, домохозяйка, неумелая и задавленная, неспособная к жесткому современному ритму жизни. Она находится в разладе с мужем и с самой собой, и однажды ее мир рушится. Под воздействием внешних обстоятельств героиня вынуждена круто изменить образ жизни, переломить себя и после упорного труда и роковых ошибок неумеха становится успешной бизнес-леди или знаменитой писательницей, или на худой конец модным кулином, дизайнером и т. д. И уже мужчины стайками вьются у ее ног...

Не на йоту не отступая от подобной идеи слезоточивого романа, Лесли Даниелс своей книгой «Уборка в доме Набокова» замкнулась на литературу более высокого интеллектуального уровня. Ее книга вышла в издательстве «Азбука», перевод с английского Александры Глебовской.

Весь художественный фокус состоит в том, что стандартное мелодраматическое действие озяет своим незримым присутствием гениальной словесности Владимира Набокова. Впрочем, уже по названию книги вдумчивый читатель может «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 26 сентября 2011 года, 6-я стр.

дагадаться, что это не однофамилец и не случайное совпадение, а целенаправленная спекуляция знаменитым именем. Но «спекуляция» в данном контексте слово не уместно. Здесь оно выражает искреннее уважение, с какой выдумкой, изысканством и пикетом внедрен набоковский дух в ткань зауряднейшего сюжета.

Героиня, мечтательница и идеалистка, изнывающая от диктата «правильного», по американским меркам, мужа в раз лишающая семьи, детей и дома. Таковы последствия крошечного бракоразводного процесса, затеянного занудным супругом. Безмерно страдающая героиня, катаясь зарабатывающая на жизнь литературным трудом, случайно находит в старом доме пачку карточек с незавершенным романом. Но ведь в этом доме когда-то, в 40-е или в самом начале 50-х, жили Владимир Набоков и его жена Вера. А что если это его неоконченный роман? Да это же мировая сенсация! Вспомним, сколько шума наделала публикация его незавершенного романа «Лаура и ее оригинал». Такова авантюристка заявка «Уборки в доме Набокова». С точки зрения исторической правды все более-менее сходится, должен же следить жить писатель, в те годы преподававший в университетах Уэсли, штат Массачусетс, и затем в Корнелле, штат Нью-Йорк, и наверняка не раз менял места проживания.

В «Уборке...» просматриваются некоторые идеальные параллели с романом Набокова. На первый взгляд ничего общего, кроме того, что действие происходит в тех же самых местах, что в романе «Пнин», героиня проживает в городке Онкведо и навдывается в университет Вайделл. Вся ирония заключается в том, что Вайделл - вымышленное место. В описании нравов этого провинциального университета Набоков вложил свои впечатления от американской системы высшего образования. Такой вот вымысел про вымысел.

Герой «Пнина», трогательно-комичный одинокий эмигрант из России, временами ведущий себя как ребенок. Несмотря на плохое знание английского и целый букет причин поведения, он обладает энциклопедической памятью и неунывающим характером. Однако и героиня Лесли Даниелс тоже одинокая чужака, совершающая неординарные поступки и выделяющаяся из однородной обывательской массы своей независимостью. Это обязательные, выходящие за читательскую симпатию недотепы, никогда не теряющие оптимизма. Как и в «Оливии», у Лесли Даниелс в романе соединяются эротика, любовные переживания и социально-нравственная критика американского образа жизни.

«Уборка...» - это здоровенный камень, пущенный в огород провин-

Выпуск осуществляется при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы. НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ: Руководитель проекта Александр Егорович. Макет: Оксана Мерзлякина, Верстка: Анна Некрасова, Корректор: Ирина Куткина, Иллюстрации: Александр Акулишкин. Телефон для связи: 8(495)259-10-15 e-mail: egorin@mospravda.ru